

Мин Янь перебирала склянки и баночки, сваленные в углу её заплечного мешка, и наконец выбрала несколько средств для лечения внешних ран. Эти запасы подготовил для неё учитель, опасаясь, что она однажды внезапно отдаст богу душу где-нибудь в глуши. Нынешний её наставник был невероятно богат и питал особую слабость к покупке баснословно дорогих, но совершенно бесполезных снадобий. Лекарства стоили целое состояние, и когда Мин Янь однажды попыталась их продать, наставник тут же прислал ей гневное предостережение по духовной связи.

— Если только посмеешь продать их, в будущем отправишься вместе со старшим братом собирать объедки с барского стола, — голос Ци Фэя звучал холодно и безжалостно.

Сердце Мин Янь пронзила боль, она не могла поверить своим ушам.

— Учитель, неужели вы настолько бессердечны...

Ци Фэй перебил её:

— Ох, это блюдо с плодами красного нефрита такое сладкое, жаль отдавать его тебе. Сяо Бай, иди сюда, угощайся.

Сяо Бай был толстой птицей, которую держал Ци Фэй. Она выросла круглой, как шар, и даже обрела зачатки разума. В бесчисленные голодные и холодные ночи Мин Янь не раз поглядывала на неё с недобрым умыслом. Впрочем, это было неважно. Один плод красного нефрита стоил десять камней духа среднего уровня. Мин Янь не интересовали его магические свойства, она знала лишь одно: эта штука невероятно вкусная. Она была ужасной сладкоежкой и могла без дрожи в лице проглотить даже нечто до горечи приторное, за что её часто упрекали в странных вкусах. Для неё, нищей девицы, ещё не достигшей состояния полного отказа от пищи и вынужденной перебиваться одними лишь таблетками, не было ничего важнее еды, а особенно — возможности полакомиться сладким плодом.

Мин Янь вмиг залилась слезами:

— Учитель, я поняла свою ошибку, правда.

Воспоминания улетучились, и она вновь перевела взгляд на маленького монстра. Мерцающие огоньки ламп падали на его черное тельце, окутывая его теплым золотистым светом. Мин Янь придвинулась ближе и тонкой иглой принялась одну за другой извлекать из ран извивающиеся золотистые нити. Эти нити состояли из чистой духовной энергии: стоило им покинуть плоть, как они тут же растворялись в воздухе, оставляя после себя лишь кровоточащие, воспаленные раны. Она чувствовала, как начинает ныть голова: когда она сама создавала эту дрянь, то и подумать не могла, что она способна породить столько сложностей. Подстилка на столе уже пропиталась темными сгустками крови, и Мин Янь старалась двигаться как можно осторожнее.

Она сама создала себе огромную проблему.

Боль через общую душу маленького монстра частично передавалась и самой Мин Янь, отнимая у неё немало сил. Она зевнула, срезала омертвевшую кожу, нанесла целебную мазь и аккуратно перебинтовала раны чистой тканью. Существо было угольно-черным, и если не считать странных узоров на мордочке и острых рожек на лбу, оно ничем не отличалось от обычного кота.

Она возилась с ним при свете ламп до глубокой ночи и так утомилась, что веки начали слипаться. Наспех обработав собственную руку, которую монстр успел укусить, она подхватила его и легла в постель. Сначала она хотела оставить его спать на столе, но, взглянув на его израненное тело, остатки совести Мин Янь дрогнули. В комнате была всего одна кровать. Прожив уже несколько жизней, она давно стала бесчувственной, как камень, поэтому без колебаний уложила малыша под одеяло. Она положила черный пушистый комоч у самой стены, тщательно подоткнула края и сама свернулась калачиком, мгновенно провалившись в сон.

Практикующие редко нуждались в глубоком сне, но Мин Янь была исключением. С тех пор как её душа начала страдать от периодических приступов, она превратилась почти в калеку: духовная сила то приходила, то исчезала, летать на мече стало невозможно, и, кроме как есть, пить и спать, она не видела для себя другого занятия. Сегодняшний день истощил её окончательно.

Ночной ветер усилился, заставляя оконные рамы хлопать, и холодные потоки воздуха просачивались сквозь щели. Если бы кто-то присмотрелся, то заметил бы серую тень, которая воспользовалась моментом и бесшумно проскользнула в комнату, затаившись в углу стола. У существа были ярко-красные глаза, а тело состояло из клубящегося тумана. Женщина на кровати пахла удивительно сладко — должно быть, это была чистейшая, питательная энергия практикующей. Серая тень издала жадный сглатывающий звук, но, заметив два меча у изголовья, заколебалась. От клинков исходила леденящая аура, явно свидетельствующая о том, что они погубили немало демонов и призраков. Однако аромат в воздухе был слишком манящим. Тень сделала осторожный шаг вперед — женщина никак не отреагировала. Ободренная, она сделала еще один шаг, и снова ничего не произошло.

Серая тень пришла в восторг, мгновенно расправила когти и бросилась на спящую, разинув пасть, чтобы откусить ей голову. В тот самый миг, когда её лапы почти коснулись Мин Янь, из темноты внезапно вытянулась бледная, длинная рука и намертво сжала её уязвимое горло.

Тень вздрогнула и подняла взгляд: в полумраке ночи на постели, с той стороны, что ближе к стене, лежал длинноволосый мужчина. Половину его лица покрывали золотистые узоры, которые на фоне правильных, благородных черт придавали ему в ночной тишине некое подобие святости. Он приоткрыл глаза, и взгляд его, глубокий, как океан, устремился на незваного гостя.

Тень даже не успела издать крик: стоило мужчине слегка сжать пальцы, как она рассыпалась в пыль и развеялась в воздухе. Меч Фубай, висевший в воздухе, увидел, что его добычу

перехватил этот негодяй Фэн Юйсы, и от ярости начал крутиться на месте. Фэн Юйсы не удостоил его вниманием, лишь слегка поддел кончиком пальца — и меч отлетел в сторону, сделав несколько кувырков в воздухе, прежде чем остановиться. Фубай пришел в бешенство, осыпая комнату искрами ржавчины, и приготовился было броситься в атаку.

Фэн Юйсы едва заметно дернул уголком губ и, не проявляя ни капли жалости, надавил на раненую руку Мин Янь. Во сне Мин Янь почувствовала боль, тихонько застонала и нахмурила брови. Фубай тут же замер, боясь разбудить хозяйку, и обиженно опустил на место.

Юноша, добившись своего, склонился над спящей Мин Янь и невольно улыбнулся. Госпожа Настоятельница, потревоженная во сне, перевернулась на другой бок, лицом к нему. Она спала с закрытыми глазами, черты её лица расслабились, и исчезла дневная вялость, сменившись безмятежным спокойствием, подобным зеркальной глади озера. Фэн Юйсы, видя, что она не проснулась, осторожно приблизился.

От неё исходило тепло. Юноша положил голову на подушку, внимательно изучая её профиль. От неё веяло тонким ароматом, который почему-то напоминал ему о весне, когда расцветают горные цветы и зеленеют луга. Фэн Юйсы, потерявший много крови, был бледен. Он коснулся лица Мин Янь пальцами, обмотанными мягким бинтом. Кончики его пальцев слегка горели, и он, поджав их, продолжил пристально наблюдать за ней.

Она не проснулась.

Он приложил свои прохладные пальцы к её переносице, медленно очерчивая круг, затем скользнул вниз, обхватил её подбородок и склонился, коснувшись губами кончика её носа. Его прохладные тонкие губы скользили по её чертам, целуя веки, уголки губ и, наконец, задержались на подбородке. Дыхание Фэн Юйсы стало горячим, он уткнулся лицом в изгиб её шеи, нежно покусывая мягкую кожу.

— Госпожа? — прошептал он хриплым, вопрошающим голосом.

Мин Янь спала очень крепко, длинные ресницы отбрасывали тень на щеки, и она даже не шелохнулась. Фэн Юйсы поднял голову и слегка укусил её за подбородок — достаточно сильно, чтобы на белой коже остался розовый след.

Повязки на нём были мягкими и сухими, и казалось, даже боль в ранах немного утихла. Он снова закрыл глаза, чувствуя, как его холодное тело постепенно окутывает тепло, словно он погрузился в мягкие, успокаивающие морские воды, ощущая призрачную, эфирную легкость.

Великая Настоятельница Дворца Няньшэн, несущая на себе благословение небес и высшее предназначение, была столь чиста и безупречна, что ему нестерпимо хотелось затянуть её в самую темную пучину, чтобы осквернить до самого основания.